

А. А. Харшак

Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981).

Творческий путь. Испытание

*«Ленинград, ставший фронтом,
защищал свое право на жизнь».*
П. Е. Корнилов «Мы были вместе»

(Подвиг века. Л., 1969)

*«...Петр Евгеньевич Корнилов, потративший много энергии,
чтобы спасти меня от голодной смерти».*

*А. П. Остроумова-Лебедева
(Автобиографические записки. Т. III. М., 1974)*

О Блокаде Ленинграда написано и опубликовано много — дневниковые записи и воспоминания непосредственных участников событий тех дней, аналитические исследования, хроника действий военного и гражданского руководства, литературно-художественные произведения. Но эта тема не иссякла и не потеряла своей актуальности. Причина тому — постепенный, очень осторожный процесс снятия грифа секретности и, соответственно, предания гласности новых документов, проливающих свет на различные аспекты жизни осажденного города.

Достаточно вспомнить историю «Блокадной книги» Даниила Гранина и Алеся Адамовича, потрясшей читателей своей откровенностью. Книга создавалась в течение четырех лет, с 1977 по 1981 гг., и была запрещена к публикации в Ленинграде личным распоряжением первого секретаря Обкома КПСС Г. В. Романова. Но тогда, несмотря на авторитет двух известных, замечательных писателей, они получили доступ лишь к ограниченному количеству архивно-исторических документов.

Сейчас другая степень открытости и, следовательно, более широкие возможности ознакомления с текстовыми, фото и худо-

Харшак

Андрей

Александрович,

заслуженный художник

Российской Федерации,

почетный член

Российской Академии

художеств

(Санкт-Петербург,

Россия)

жественно-изобразительными материалами. Примером могут служить уникальные рисунки Алексея Федоровича Пахомова¹, выполненные в одном из ленинградских моргов, а также рисунки и гравюры архитектора Александра Сергеевича Никольского (1884–1953), поражающие сценами жуткой бытовой трагедии, ставшей повседневностью. Показ и публикация этих произведений стали возможны только в последнее десятилетие.

Предлагаемые страницы лишены подобной откровенности. На них рассматривается профессиональная деятельность, быт и общение очень узкой группы творческой интеллигенции — художников, искусствоведов, музейных сотрудников в условиях Битвы за Ленинград, которая, по словам американского военного историка Дэвида Гланца «...по драматизму, символическому значению и масштабу человеческих страданий, она не имеет себе равных не только в Великой Отечественной войне, но и в любой другой войне современности»².

Напомню: предыдущий этап жизнеописания П. Е. Корнилова³ я закончил на том, что он после закрытия Кабинета графики сконцентрировал свою деятельность на заведовании графическим отделом Русского музея. В этой должности его и застала война.

Ему исполнилось 45 лет, и призыву в действующую армию ученый не подлежал. Далее цитата из дневника: «...За несколько дней до войны был вызван военным столом на пр. Чернышевского, и мне было вручено моб. предписание в к-ду 001 для обслуживания мобилизации, если таковая будет. Не придавал значения этому факту»⁴.

Но 22 июня 1941 г. заставило страну срочно перестраиваться на совершенно другой ритм. Снова цитата:

«22.VI-41. К ночи на радио был транслирован указ Верх. Совета о мобилизации. Захватив белье — я отправился на пункт, где сразу же приступил к работе в отделе контроля... Работа шла до 28/VI (уходил 1-2-3-4 часа на ночь), когда я по рапорту был освобожден для Музея»⁵.

Русский музей с первого дня войны стал объектом обороны, а его директор — Петр Казимирович Балтун (1904–1980) — соответственно занял пост начальника объекта. Его небольшая книга, выпущенная в 1981 г., «Русский музей — эвакуация, блокада, восстановление», дает правдивую картину действий сотрудников по спасению художественных ценностей. Основываясь на ней, попробую конспективно описать ход событий, тем более что Корнилов, согласно предписанию, находился на военно-призывном пункте и не мог принимать полноценное участие в подготовке произведений к эвакуации. А эта работа началась буквально с первого дня войны.

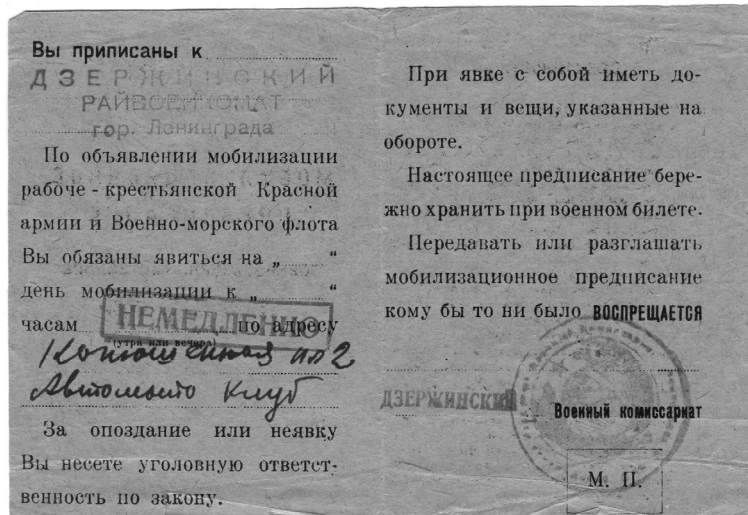
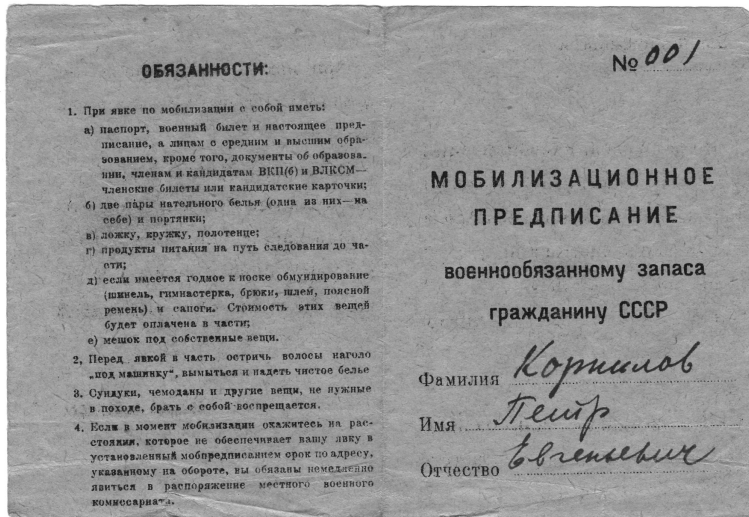
В Советском Союзе режим работы каждого учреждения был строго регламентирован и подчинялся инструкциям и приказам, спускавшимся «сверху». Но никаких указаний 22 июня не поступило, а в этот день музей еще был открыт для посещения. Тогда Балтун взял

**Государственный Русский Музей.
Отдел Советского искусства. Во дворе.
Разрушения в ноябре 1941 г.
Фото С. Г. Гасилова.**

на себя полную ответственность и отдал распоряжение закрыть некоторые залы и начать подготовку к укрытию и эвакуации находящихся в них больших экспонатов. В первую очередь это касалось полотен К. Брюллова, Ф. Бруни, И. Репина, И. Айвазовского и других. Они снимались со стен, освобождались от рам, аккуратно снимались с подрамников, чтобы после этого быть накатанными на специальные валы, большую часть которых еще предстояло изготовить. На следующий день никаких указаний тоже не поступило. Ситуация была сложной. Самостоятельная инициатива могла быть наказана. Тогда начальник Управления по делам искусств Исполкома Ленсовета Борис Иванович Загурский (1901–1968), директор Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) и Балтун выехали в Смольный, где получили подтверждение продолжить работу по подготовке музейных коллекций I категории к срочной эвакуации до объявления официального распоряжения.

Время упущено не было, и к моменту поступления директивы из Комитета по делам Искусств при СНК РСФСР процесс шел полным ходом. Упаковывались ценнейшие экспонаты: произведения древнерусского искусства и предметы народного творчества, живописи, скульптуры, графики, фарфор и стекло, мебель и ткани. Одновременно составлялась сопроводительная документация. Все работы велись под руководством и строгим контролем главного хранителя музея, профессора Мстислава Владимировича Фармаковского (1873–1946). Летние белые ночи позволяли трудиться почти круглосуточно. На помощь сотрудникам музея пришли ленинградские художники и студенты художественных вузов. Невозможно себе представить, но в невероятно сжатые сроки — всего за неделю — первая очередь экспонатов была подготовлена к отправке. 1 июля 1941 г. началась их транспортировка на железнодорожную станцию и погрузка на эшелон, следовавший в город Горький.

Мобилизационное предписание П. Е. Корнилова
(лицевая и внутренняя стороны)

К сожалению, во всех этих работах Корнилов мог принимать участие лишь урывками. Он прекрасно понимал, что в эти дни был бы нужен и полезен музею, но законы военного времени не давали права выбора. Его освободили от работы на призывном пункте, как уже говорилось, 28 июня, всего на неделю. Он смог сопроводить грузы на вокзал, а дальше встал вопрос о срочной эвакуации сына Игоря из Ленинграда. 4-го июля в давке и страшной

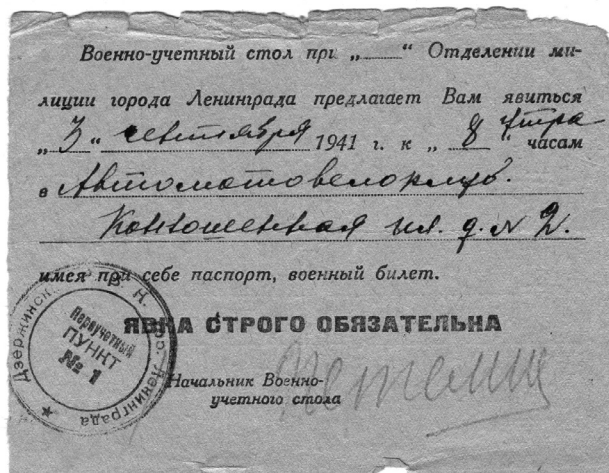

**Справка, выданная военнообязанному
П. Е. Корнилову Дзержинским РВК**

неразберихе его удалось посадить на казанский поезд. На следующий день Петр Евгеньевич снова был в военкомате. Его мама — Вера Петровна и жена Елена Григорьевна оставались в городе. Впоследствии он писал: «Мне так хотелось, чтобы мама с Лелей тоже уехали бы туда, но они категорически не захотели оставить меня одного. Спасибо им за эту большую жертву, да я, как вижу, если бы не ушел в армию, то погиб бы без их забот»⁶.

А в Русском музее сразу началась подготовка к отправке второй очереди экспонатов, но этому уже не суждено было осуществиться. Поступила директива о вторичной эвакуации коллекций из Горького в Пермь. К этой работе Балтун хотел привлечь Корнилова, предварительно согласовав вопрос с Комитетом по делам Искусств, но резолюция Начальника сборного пункта № 1 Дзержинского района была отрицательной. В Горький, а затем в Пермь отправились заведующий отделом живописи А. Н. Савинов и заведующая секцией рисунка Т. А. Дядьковская. В отсутствие Балтуна руководство музеем принял на себя его заместитель Георгий Ефимович Лебедев (1903–1958).

Вскоре П. Е. Корнилову пришлось пережить первую с начала войны тяжелую утрату. 21 июля 1941 г. не стало Елизаветы Сергеевны Кругликовой. Ей было 76 лет, и ее кончина

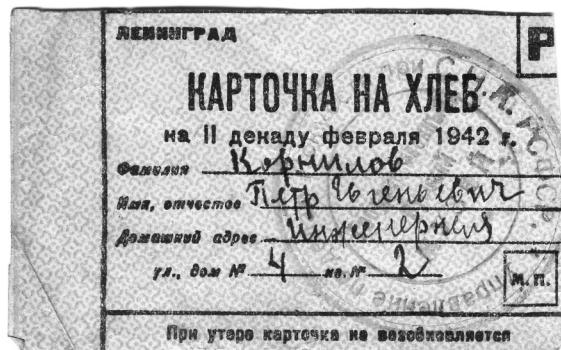

Повестка П. Е. Корнилову из военно-учетного стола 3 сентября 1941 г. (Лицевая и оборотная стороны)

не была связана с блокадными лишениями, но носила какой-то зловеще-символический смысл. Тяжелые чувства усиливались еще и потому, что Петр Евгеньевич из-за воздушной тревоги не смог принять участие в прощании. Трамвай был остановлен, все пассажиры высажены и вынуждены были переждать в подворотне напротив Московского вокзала. Когда он приехал на кладбище, то никого уже не застал. Лишь могильный холм, усыпанный цветами. А сколько смертей еще предстояло перенести ему в эти страшные четыре года...

8 сентября фашистские войска прорвались к Ладожскому озеру и захватили Шлиссельбург. Ленинград оказался в кольце Блокады. В этот же день вечером вражеская авиация совершила первый массированный налет на город. На Московский, Смольнинский и Красногвардейский районы было сброшено почти шесть с половиной тысяч зажигательных бомб. Возникло 178 пожаров, и самый крупный — на продовольственных складах имени Бадаева, главном продуктовом хранилище. Когда после этого страшного события был произведен полный учет продовольствия, оказалось, что запасов хлебного зерна и муки осталось на 35 суток; круп и макаронных изделий — на 30; мяса и мясопродуктов — на 33; жиров — на 45; сахара и кондитерских изделий — на 60⁷.

Было принято решение о сокращении норм выдачи продуктов. Наступал голод. 12 сентября в 20 часов приказом начальника сборного пункта № 1 Дзержинского РВК военнопобязанный П. Е. Корнилов был оставлен в резерве и освобожден до особого распоряжения. Но на основании постановления Государственного Комитета Оборона о всеобщем обязательном обучении граждан СССР военному делу, он был привлечен к посещению занятий с 29 сентября. Но все-таки это был уже не казарменный режим.

Карточка на хлеб П.Е. Корнилова

Петр Евгеньевич постарался сразу войти в ритм жизни музея. Состав его сотрудников значительно сократился. Кто-то был призван в действующую армию и находился на фронте, часть коллектива обеспечивала сохранность вывезенных экспонатов в Перми, некоторые были эвакуированы. Музей был закрыт, но его здание и оставшаяся в нем часть коллекции требовали постоянного внимания и заботы. Город методически обстреливался и подвергался бомбардировкам. По официальным сводкам, на сам объект и его территорию было сброшено 11 фугасных и более 100 зажигательных бомб и разорвалось свыше 40 снарядов. После каждого налета проводился тщательный осмотр территории и корпусов здания. Стек-

ла вылетели после первых же разрывов. Вот как вспоминает эти страшные дни заведующая научной библиотекой Валентина Васильевна Алексеева: «Приходилось вновь и вновь забивать фанерой и досками разбитые окна, поврежденную кровлю, выносить осколки, щебень, мусор. К каждой зиме утеплять, законопачивать паклей и ветошью окна, забивать пробоины фанерой, а с наступлением весны частично раскрывать окна для просушки здания. Научные сотрудники дежурили круглыми сутками, ни на час не оставляя музей без присмотра»⁸.

В этих строках, написанных уже после войны, просматривается определенный опыт действий, направленных только на то, чтобы сберечь, сохранить для будущих поколений оставшиеся в музее ценности. Но тогда, в 1941 г., осенью и в начале самой жуткой блокадной зимы, никакого опыта не было. Все ужасы жизни в осаде обрушились на ленинградцев: обстрелы и бомбежки, голод, отсутствие воды, электричества и других элементарных условий, казалось, должны были уничтожить, задушить все живое. Но город жил и работал. Людям приходилось в кратчайшие сроки приноравливаться к нечеловеческим условиям быта и существования.

П. Е. Корнилов начал вести свои записи — заметки, как написано на обложках ученических тетрадей, — со второй половины октября. На их страницах предстает ежедневная реальность бытия, страшная в своей простоте:

Продуктовые карточки П. Е. Корнилова

«23.XI.41 — воскресенье. Провел дома со своими. Тревог не было.

Леля вернулась из очередей (уйдя в 6 ч.-у) — в 1-м часу. Ходил встречать.

24.XI.41. В 5 ч. ушел с Лелей в очередь. Л-д — страшный с огромными очередями, темной и артиллерийской стрельбой. Вернулись без результата. После обеда снова ходила и результат тот же.

С 2–4-50 — была тревога. Вечером, как всегда в убежище под музеем, но только не могу работать»⁹.

Попробую пояснить фразу: «Вернулись без результата». Запись сделана 24 ноября 1941 г., то есть через четыре дня после очередного (к счастью, последнего) постановления о сокращении норм выдачи продуктов. Оно будет действовать до 25 декабря. Именно в этот период служащие и иждивенцы — категории граждан, к которым принадлежали Корнилов и его семья, будут получать всего по 125 граммов хлеба в день. Ленинградцам полагались в таких же ничтожных дозах и другие виды продовольствия, но получить их можно было далеко не всегда.

Между страниц блокадных заметок вложены продуктовые карточки. И если хлебные отоварены полностью — от них осталась только верхняя часть с фамилией и адресом владельца, то в карточках на масло сохранилось не отрезанным большинство талонов. На каждом из них норма — 5 граммов. Ленинград находился на грани голодной катастрофы.

«Убежище под музеем» находилось в подвалах главного здания, в помещении гардероба, который и сейчас там же. Туда приходили во время дневных налетов все, кто был свободен от дежурства, в нем ночевали, именно в нем возродилась научная деятельность, прерванная в первые дни войны. При слабом свете коптилки проводились заседания совета музея, слушались доклады, обсуждались научные статьи, решались неотложные текущие вопросы. Свое первое блокадное мероприятие провел там и Корнилов. Оно состоялось 22 января 1942 г. и включало в себя выставку и доклад, посвященный 18-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. В небольшой экспозиции, состоявшей целиком из его коллекции, были представлены графические листы Г. С. Верейского, Л. Ф. Овсянникова, Н. А. Павлова, П. А. Шиллинговского и других авторов. Присутствовало десять человек. После доклада Петра Евгеньевича его мама рассказала немного об отце В. И. Ленина, который был директором ее начальной школы. Потом М. В. Фармаковский вспоминал о своей жизни в Симбирске, где его отец — инспектор городских училищ — был помощником Ильи Николаевича Ульянова.

Возможно, некоторым описанный выше эпизод с точки зрения дня сегодняшнего покажется абсурдом. В городе голод, холод, темнота, разрывы бомб и снарядов. Кругом смерть. А девять человек в подземелье Русского музея вспоминают Ленина. Но именно это событие говорит о духовной стойкости и высоте помыслов, которые помогли этим людям выжить, выстоять, победить. Очень точно ситуация сформулирована в «Блокадной книге»: «Та са-

Воззвания к жителям Ленинграда. 1941 г.

Ефимович Лебедев, несмотря на колоссальную административную загруженность, по предложению Института театра и музыки взялся за работу по культуре XVIII в., а затем написал монографическую брошюру о В. И. Сурикове.

Однако научные интересы все-таки уходили на второй план. Главной была борьба за обеспечение продовольствием и заготовка дров. Решением Ленгорисполкома за каждым учреждением и организацией в черте города или в его окрестностях закреплялось деревянное строение, подлежащее сносу. Получил такой дом в районе Озерки-Шувалово и Русский музей. Разобрать дом надо было своими силами. Лебедев писал: «Как будем перевозить лес — неизвестно. Машин нет, а от трамвая далеко»¹¹. Зато в воспоминаниях В. В. Алексеевой картина предстает очень ясной и жуткой: «Странные существа, непонятно во что закутанные, попарно на санках или просто веревками тянут бревна»¹². В трамвай бревно не загрузишь. Так и тащили от Озерков до Русского музея, если не удавалось поймать попутку.

мая, неоднократно атакованная интеллигентность, в других условиях казавшаяся слабостью и даже пережитком, именно в условиях Блокады обнаружила и нужность, и силу, и незаменимость свою»¹⁰.

Главному хранителю музея Мстиславу Владимировичу Фармаковскому в начале войны было уже 68 лет — возраст почтенный. Человек огромной культуры, филолог по образованию, преподававший латынь в Петергофской гимназии еще до Октябрьской революции, он был редким специалистом по хранению, консервации и реставрации художественных произведений. Его ежедневные методические заботы по сохранности оставшихся коллекций требовали неимоверного напряжения физических и нравственных сил, но это не помешало ему вести к завершению свой многолетний научный труд по технике акварельной живописи. Исполняющий обязанности директора Георгий

Еще одна проблема встала перед научными сотрудниками музея — прием на хранение произведений искусства из личных коллекций художников. Никто не был застрахован от прямого попадания бомбы или снаряда в дом, где находилась квартира или мастерская. Поэтому авторы принимали нелегкое для себя решение о передаче своих работ под защиту музейных хранилищ, а заботу о произведениях погибших авторов брал на себя музей. В. В. Алексеева вспоминает: «Большой работой был прием и хранение произведений искусства из частных коллекций. Сколько походов с детскими саночками было сделано научными сотрудниками музея!» И далее: «Петр Евгеньевич Корнилов, заведующий отделом графики, жил тут же, в здании музея. Несколько раз в неделю можно было видеть его с заплечным мешком или саночками, на которых он вез дрова художникам. И редкий день кто-нибудь из художников или искусствоведов не бывал у Петра Евгеньевича дома»¹³. Детские саночки. В каких только ситуациях не выручали они ленинградцев в суровые блокадные зимы. На них отвозили доведенных до полного истощения людей в стационар, с ними ходили за водой и за дровами, на них доставляли на кладбище тела умерших близких.

Но я нарушил хронологию событий. И если вернуться в ноябрь – первую половину декабря 1941 г., то физическое состояние Корнилова было крайне тяжелым, а душевное — близким к отчаянию. Силы и надежды таяли. Все чаще приходили известия о смерти друзей и коллег. Потерял зрение Н. Ф. Лапшин¹⁴, в состоянии тяжелого психического расстройства находился Э. Ф. Голлербах. А тут еще с вывихом ноги слегла Леля (жена Петра Евгеньевича Корнилова). Это было страшно — в те месяцы кто не находил сил встать с постели, тот умирал. Но Елену Григорьевну выходили, и это бремя почти полностью взяла на себя мама Петра Евгеньевича — Вера Петровна (1871–1954). Она позволила себе выехать из Ленинграда только весной 1942 г., когда положение немного стабилизировалось. А до тех пор ее роль в жизни семьи была главенствующей. Мобилизовав свои высшие духовные силы, весь свой жизненный опыт, она, как могла, поддерживала быт и вселяла бодрость в настроения близких. То, что мама и Леля не уехали в первые дни войны, а остались с ним в осажденном городе, Петр Евгеньевич всегда воспринимал как большую жертву с их стороны и считал, что вряд ли выжил бы без их забот. Они не позволяли расслабиться, опустить руки. Умывание, бритье, смена белья — все требовало напряжения, было событием, но победа над собой доставляла радость.

Другой искренней радостью и отдушиной были книги. В книжные магазины, если они работали, Корнилов заходил обязательно, когда выбирался в город. Он пишет: «1.XII.41. Тянет к книгам. Хочется верить, что в этом — настоящая жизнь»¹⁵. Фразы аналогичного содержания встречаются на многих страницах блокадных записей:

«10.XII.41. Купил юбилейное издание “Демона” Лермонтова с сюитой врубелевских иллюстраций. Доставил себе радость этим»¹⁶.

Но так уж был создан этот человек, что свою радость ему необходимо было разделить с друзьями. Еще до наступления нового 1942 г. он подарил экземпляры этой книги Г. С. Верейскому, А. П. Остроумовой-Лебедевой, К. И. Рудакову, выслал М. В. Нестерову в Москву и сыну Игорю в Казань. Но подобные искры положительных эмоций быстро гасли, поглощенные беспрестанной борьбой за выживание в голодном замерзающем городе, где ученый становился невольным свидетелем случаев превращения человека в зверя. Чувство безучастности к смерти стало обыденностью. Труп мужчины у здания Биржи обращал на себя внимание только потому, что на нем были валенки и пальто с каракулевым воротником. Почему не сняли?..

А вот описание стоящих в очереди за хлебом:

«29.I.42. Закрыты одеялами разных цветов, мешками, платками, скатертями. Такие же одеяния на ногах. Лица у всех сумрачные, полная подчиненность своей участи, безропотность с искрой маленькой надежды в глазах»¹⁷.

Событием, которое заставило его иначе взглянуть на происходящее вокруг, стало посещение Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой 19 декабря 1941 г. Их дружеские контакты прервались с началом войны. Корнилов был призван на службу в военкомат, потом начались обстрелы, бомбежки, голод, адаптация к совершенно новым жизненным условиям. Но 16 декабря 1941 г. Нюша — домработница Анны Петровны, принесла ему короткую записку. Привожу несколько отдельных фраз из нее: «...Я о Вас давно ничего не знаю... Я боюсь не улетели ли Вы? Кто тогда будет охранять музей? Очень хочется Вас повидать, но у меня глаза не в порядке и потому я не выхожу. Да храни Вас бог»¹⁸. Напомню: в то время ей уже исполнилось 70 лет. Для Корнилова это был первый дальний выход в город, не связанный со служебными или бытовыми делами. Они были очень рады видеть друг друга. Петр Евгеньевич передал Анне Петровне в подарок от мамы стакан квашеной капусты, а от нее получил два кусочка сахара.

Она ведет дневник и продолжает трудиться над автобиографическими записками. Вспоминала встречи в Париже с А. Н. Бенуа. И это когда в комнате только 5°. Цитирую П. Е. Корнилова:

«19.XII.41. Бодрость духа — присущая ей черта. Сидел у ней закутавшись в ее зеленый парижский плед, а она в меховой шапке, в ряде теплых одежд, а сверху — в Средне-Азиатском халате, но глаза блестят и светятся, как всегда. Не хочет покидать Ленинград и просила передать моей маме, что она верит в Бога. Ушел от нее сильнее духом и даже телом, т. к. шел быстрее и легче»¹⁹.

С этого дня подобные «вылазки» с целью навестить близких друзей и коллег станут для Петра Евгеньевича регулярными.

А сейчас я хочу сделать отступление и остановиться на одной из сторон жизни блокадного Ленинграда, которая не всегда находит отражение в исторических исследованиях. Привожу строки из дневника:

«26.XII.41. Принес Г. М. Преснов²⁰ т. I “Советского востоковедения” (25 р.). Немного дорого и большие расходы на книги при моей 289 р. получке, но все же — это единственная радость»²¹.

Денежные отношения в период войны никто не отменял. Люди работали и получали зарплату. Покупали лекарства в аптеках и промтовары, имевшиеся в ассортименте магазинов. Продукты по карточкам также продавались за деньги, естественно по государственным ценам. Но существовал рынок, на котором стоимость некоторых продуктов приводится в записках неоднократно. Это при том, что предпочтение отдавалось обмену на золото и другие ценные вещи.

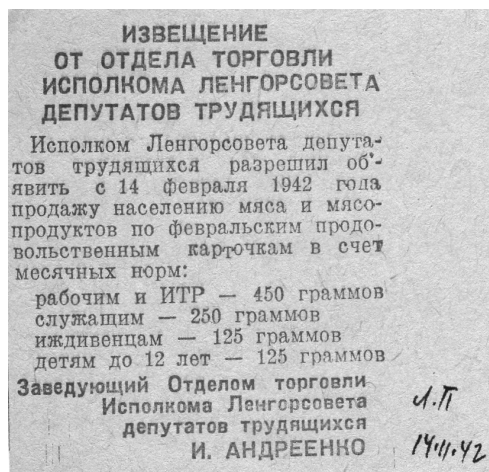
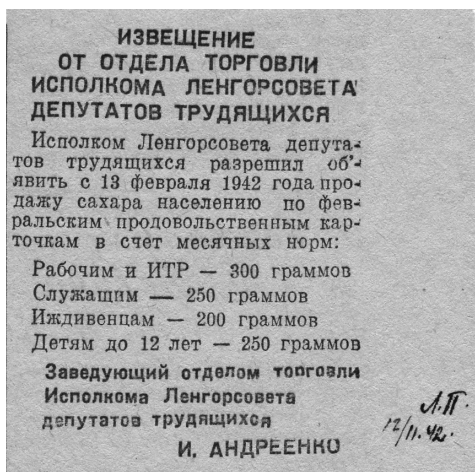
*«11.XII.41. Запомнил некоторые цены продуктам.
За золотые часы — предлагали 2 п. картофеля.
За поддевку на кенгуровом меху получила Фалеева 1,5 к. хлеба.
За 1 л. молока на базаре заплачено 40 р.
За 3 свеклы я отдал 25 гр. чая».*

«19.XII.41. От В. И. Веретенникова узнал, что 1 кило хлеба котировается в 400–500 р., крупа немного меньше».

Через две недели:

*«5.I.42. Сахар — 100 гр. — 50 р.
Зубной порошок — 6 р.
Папиросы — 1п. — 15 р.
1 п. шоколада — 150 р.
Конина — 1 к. — 300 р.
1 к. спичек — 6–10 р.
Но главная торговля — это взаимообмен»²².*

Не изменились цены на хлеб на базаре и к середине февраля 1942 г.: те же 500 руб. за килограмм. Таковую же сумму просят за письменный стол красного дерева. Это объясняется тем, что несмотря на увеличение нормы выдачи хлеба с 25 декабря 1941 г., перебои с его поставками продолжались.

**Информационные сообщения о продаже продуктов.
Газета «Ленинградская правда», февраль, 1942 г.**

«28.I.42. Встаем с мыслью достать хлеб на 28 и 29.I. Леля в 8–9-м идет в очередь — № 508. Через какое-то время приходят соседи и передают просьбу Лели заменить ее в очереди. Иду и встаю. Пронизывающий холод, стали № 237-м»²³.

Немного легче стало, когда Петра Евгеньевича прикрепили к столовой Управления культуры, где обед в среднем стоил 2 рубля 30 копеек.

Когда Корнилов в конце апреля 1942 г. вступил в должность выпускающего редактора в издательстве «Искусство», он сразу постарался увеличить количество наименований полиграфической агитационно-массовой художественной продукции. И в соответствии с этим максимально расширить круг художников, привлекавшихся для выполнения заказов. С ними заключались договоры, и работа оплачивалась, если была принята художественным советом, отдельные протоколы заседаний которого сохранились. Я читал их. Порядок ведения, формулировки замечаний, принятие решений напомнили мне атмосферу заседаний худсовета в Художественном фонде 70–80-х гг. прошлого столетия. Слово не затемнены окна, не надо спускаться в бомбоубежище, а присутствующие не сидят в шапках и пальто и лица не измождены голодом. Они не проявляли к себе снисхождения, не позволяли забыть о своем профессионализме, притом что члены жюри, как авторы, также предъявляли свои работы коллегам.

Возглавлял совет Начальник Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета Борис Иванович Загурский (1901–1968). Его заместителем был Владимир Александрович

Серов (1910–1968) — Председатель Ленинградского отделения Союза советских художников. В совет также входили: П. Е. Корнилов — секретарь, скульптор В. В. Лишев (1877–1960) и график А. Ф. Пахомов (1900–1973). Кроме того, всегда присутствовали члены актива, в составе которого были К. И. Рудаков, В. М. Конашевич, А. М. Земцова, В. А. Раевская, Г. Д. Епифанов и др. К авторам предъявлялись самые высокие профессиональные требования, независимо от тяжелых условий создания произведения. Некоторые работы отклонялись, некоторые принимались с рядом замечаний. Но ясно одно, что полученные гонорары могли быть потрачены на покупку продуктов, несмотря на непомерно высокие цены на рынке. А это многим помогло выжить.

23 декабря 1941 г. Петр Евгеньевич направился на Петроградскую сторону. Взгляд невольно фиксировал и красоту города, и выхватывал из встречного людского потока на Марсовом поле безучастные женские фигуры, тянущие за собой салазки с гробами или с обессиленными близкими. Сначала зашел к М. Ф. Петровой-Водкиной, проживавшей на Кировском проспекте в доме № 14. Кузьмы Сергеевича не стало в 1939 г., но Корнилов продолжал поддерживать добрые дружеские отношения с его женой и дочерью. Они жили на кухне, где легче было сохранять тепло. Встрече очень обрадовались и сразу рассказали, что съели трех своих кошек, а затем обменяли золотое кольцо на продукты, и теперь надеются дотянуть до эвакуации. Такое положение было не из самых худших. Попрошавшись, он дальше по Кировскому пошел в сторону Большой Пушкарской к К. И. Рудакову.

В том же доме на первом этаже жил Д. И. Митрохин, и Корнилов сначала зашел к нему. Картина была ужасающей: без света, без дров, в пальто и кепке, подавленный и ослабевший сидел Дмитрий Исидорович, а его супруга Алиса Яковлевна лежала тяжело больная. Не было сил сходить в магазин и достать продукты. За день до этого Г. В. Верейский принес им небольшую вязанку дров, а Г. Д. Епифанов — несколько досок. Но, несмотря на такое состояние, Митрохин нашел в себе силы сделать свыше 80 рисунков блокадного города, из которых 15 листов Верейский отобрал для выставки в Ленинградском отделении Союза советских художников.

От Д. И. Митрохина Петр Евгеньевич поднялся к Рудакову. Тот работал, несмотря на слабость и худобу. Атмосфера в доме носила характер некоторого спокойствия (если такое вообще было возможно). Нашелся любитель искусства, который давал немного крупы за его акварели. Это было подспорьем. После эвакуации института в Самарканд, Рудаков из последних сил старался работать. Удивительно, но в его рисунках и акварелях почти отсутствует тема Войны. Произведения Гоголя, Шекспира и Толстого полностью захватили его в тот страшный период. Тогда Корнилов впервые увидел друга в странном шерстяном колпаке, в котором он впоследствии предстает на своих блокадных автопортретах.

Пройдет неделя, прежде чем Корнилов снова соберется в те же края. Это было 31 декабря — самый канун Нового года. Привожу строки из дневника:

С. Мочалов. Плакат издательства «Искусство». 1942 г. Редактор: П. Е. Корнилов

Н. Дормидонтов. Плакат издательства «Искусство». 1942 г. Редактор: П. Е. Корнилов

«З1.ХІІ.41. После обеда сразу собрался идти к Д. И. Митрохину. Собрал 20 полешек (дрова эти пилили утром с мамой) и захватил для поддержки его свечку, спички, немного муки, чая, капусты. Все это было сложено в рюкзак, который повесил на спину и тронулся в 2 ч. на Петроградскую»²⁴.

Когда Корнилов добрался до Большой Пушкарской, Митрохин, который был в том же тяжелом состоянии, после слов благодарности поинтересовался у него: «Какие новые книги вышли за это время?» И узнав, что напечатан «Демон» с иллюстрациями М. Врубеля, высказал пожелание иметь такое издание. Духовные силы этих людей были поистине неисчерпаемы.

Двумя днями ранее, 29 декабря 1941 г., Корнилов принял участие в заседании Ученого совета Всероссийской Академии художеств, на котором проходила защита диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения Павлом Александровичем Шиллинговским. Это событие ничего не могло изменить в жизни сражающегося из последних сил Ленинграда, но для всех на нем присутствовавших стало знаменательной вехой высокого духовного, нравственного и эмоционального накала. А академик архитектуры Г. И. Котов (1859–1942) в своем заключительном слове сказал, что он гордится, что был свидетелем и участником этого исторического мероприятия. Защита проходила в залах научной библиотеки, но прежде чем подняться на второй этаж, Корнилов затемненными коридорами прошел в графическую мастерскую, с которой столько было связано в его жизни. Застал там сидящего у печурки печатника — О. Е. Короткова, так много сделавшего для графического искусства Ленинграда. Обнял старика, выслушал его сетования...

Многие преподаватели жили в подвалах Академии, где размещалось общежитие, прозванное «профессорским дотом», и пробираясь в библиотеку, Петр Евгеньевич в захлапанных темных коридорах встречал давних знакомых, которых с трудом узнавал. Кто-то с бидончиком искал воду, кто-то с кастрюлькой плелся в столовую за порцией супа. В библиотеке за стеклом книжных шкафов, в витринах и на столах были размещены произведения П. А. Шиллинговского. Сам он, как показалось Корнилову, выглядел лучше многих своих коллег, отличавшихся подавленностью и худобой. После зачитанного отзыва дирекции и парткома слово было предоставлено Шиллинговскому. Затем выступил М. В. Доброклонский (1886–1964) и уже потом, в качестве официального оппонента, П. Е. Корнилов. Все устали, но старались поддерживать настроение торжественности. По результатам тайного голосования Павлу Александровичу Шиллинговскому единогласно была присвоена ученая степень доктора искусствоведения.

В канун Нового года решили в убежище не спускаться, хотя был обстрел города и где-то вблизи. На столе разложили альбомы с фотографиями всех родных и близких. По радио — новогодние передачи. Дальше — дословно из дневника:

«1.1.42. С Новым годом! Сейчас пробило 12 ч., мы прослушали бой Кремлевских курантов. 1941 г. — закончен и 1942 г. вступил в свои права. Наш первый тост был за ленинградцев, за маму, Лелю, облегчавших трудную жизнь нашу. Второй — за дорогих казанцев — Надю, Васю, Игоря — любимых нами, за встречу с ними. Третий — за РККА и ее бойцов, защищающих нас. Четвертый и последний — за радость, за свет, за будущее — нам и всем во всем мире! На душе — вера в будущее — самое трудное, тяжелое и грустное осталось позади!»²⁵

Как он ошибался! Сколько горестей и утрат еще предстояло пережить!

Конечно, начавшееся 5 декабря 1941 г. наступление советских войск под Москвой во многих пробудило чувство надежды и ликования. Уже 13 декабря Совинформбюро сообщало о первых итогах операции, а 16 декабря наши части освободили Калинин. Это был несомненный значительный успех, имевший огромный резонанс во всем мире, но фактически не изменивший положение осажденного города.

1 января Петр Евгеньевич навестил А. П. Остроумову-Лебедеву. Позже записал:

«1.1.42. По пути встретил семь покойников, по-разному везомых на салазках и на санях. Тяжелая картина. День сильно морозный. Нева белая. Петропавловка во мгле. Солнечные блики золотят снег...»²⁶. Состояние Анны Петровны внушало опасение. Силы были на исходе. Ей отказали в пропуске в лучшую половину столовой Военно-медицинской академии. Бывшие коллеги С. В. Лебедева²⁷ помогли с дровами, но с питанием помочь не смогли. Помимо встреч они еще обменивались короткими письмами: 4 января 1942 г. Анна Петровна писала Корнилову: «Мы свидетели “великого” Ленинградского голода! Как бы я хотела увидеть мой любимый город в его будущие светлые дни!»²⁸

В стремлении как-то улучшить ее положение Петр Евгеньевич предпринимает достаточно рискованный шаг. Он пишет письма Первому секретарю Ленинградского обкома и горкома партии, члену Военного совета А. А. Жданову и Председателю Исполкома Ленгорсовета П. С. Попкову. Черновик одного из них сохранился. Привожу несколько первых строк:

*«Уважаемый товарищ
Андрей Александрович!*

1-го января с.г. я посетил художника Анну Петровну Остроумову-Лебедеву (живет она в доме Военно-Медицинской академии — Выборгская сторона, Нижегородская ул., д. 10-г, кв. 4) и нашел ее, несмотря на присущую ей духовную бодрость, в довольно тяжелых условиях».

«...Я беру на себя смелость довести до Вашего сведения, как представителя Партии и Правительства и, как историограф ее творчества и друг, решаюсь просить Вас об оказа-

нии ей немедленной помощи, как предоставлением, в первую очередь, РАБОЧЕЙ КАРТОЧКИ (на что она безусловно имеет право, более, чем кто-либо)...»²⁹.

И далее о заслугах Остроумовой-Лебедевой на двух страницах.

Писать письма высокому руководству, минуя собственное начальство, не приветствовалось никогда, а в условиях военного времени — особенно. Но уже 8 января ему сообщили, что его ходатайства вручены. А 20 января Анна Петровна записала в своем дневнике:

«...Под вечер стук во входную дверь. Входит женщина в белом халате поверх шубы и вносит ящик, наполненный продуктами. Она их выложила на стол. Это были

сливочное масло — 400 г

мясо — 500 г

мука — 2 кг

горох — 400 г

сахар — 400 г

*Можете себе представить, как мы все были этим довольны, как обрадованы...»*³⁰

Забегая вперед, скажу, что 11 апреля 1942 г. начальник Управления культуры Б. И. Загурский, его заместитель А. А. Барташевич и П. Е. Корнилов приехали к Остроумовой-Лебедевой домой, вручили ей академический паек и продовольственную карточку I категории. Она была спасена. А скольких спасти не удалось... Блокадные тетради свидетельствуют:

«5.XII.41. Н. В. Петошина сообщила о смерти художника А. А. Андреева и П. Н. Филонова...

18.XII.41. К. Е. Костенко сообщил, что умер Я. М. Каплан — наш знакомец, знаток книги и чудесный человек.

М. Г. Фракман сообщила еще более чудовищную новость: умер С. А. Павлов. Давно ли он был у меня? Тот и другой от недоедания...

19.XII.41. В музее, в ночь не стало Е. И. Кутиловой. Смерть последовала от недоедания.

25.XII.41. ...Другая открытка от А. Н. Свирина, шедшая до меня два месяца, меня убila: скончался Б. П. Денике и 16/X схоронен в Раменском.

9.I.42. Продолжают на улицах умирать люди. Люди слабеют. От музея требуют 15 чел. копать могилы на Охту.

29.I.42. В. И. сообщил о смерти Академика архитектуры Г. И. Котова, работника Эрмитажа П. П. Дервиза, с которым я работал в закупочной Комиссии.

31.I.42. ...Пошел за водой, затем в канцелярию. Там омрачились мысли — 9 умерших по музею ждали отправки в морг!

...Сообщают, что за день на Смоленское кладбище было доставлено 7000 умерших.
Жуткая картина!

8.II.42. ...В Академии умерло масса народа и среди них три профессора: О. Р. Муци, И. Я. Билибин, П. С. Наумов...

11.II.42. ...Узнал о смерти А. В. Скалона, В. А. Гринберга, а Т. И. Певзнер — месяц лежит в ЛОССХе (Ленинградском отделении Союза советских художников. — А. Х.) не схоронен...

16.II.42. ...Оказывается нет уже В. В. Сукова, Д. Е. Загоскина, А. И. Савинова, С. А. Чугунова...

19.II.42. ...В Академии умер художник А. Е. Карев, печатник О. Е. Коротков...

6.III.42. ...Б. И. Кожин умер от голода, находясь на службе в армии. Странная вещь — его ребенок едва был спасен от смерти. Б. И. весь свой паек относил семье, а сам голодал... Как все это страшно!

19.III.42. ...Сообщили о смерти художника Бобровского Г. М. Утрата тяжела.

20.III.42. ...Оказывается Н. А. Тырса умер от гангрены, отморозив ноги в пути...»³¹

В архиве П. Е. Корнилова хранится уникальный, щемящий сердце документ. Привожу его не полностью:

«В Василеостровское Районное Бюро
по учету и выдаче продуктовых и
промтоварных карточек.
Академика живописи
Бобровского Григория Михайловича
В. О. Тучков переул. д. №11/5 кв. 41

Заявление

С 1900 года и до настоящего времени я веду художественно-выставочную работу... (далее на двух страницах он перечисляет свои заслуги, награды и должности, а также участие в общественной деятельности, причем и в период до 1917 г. — А. Х.) ...Прошу Василеостровское бюро по выдаче продуктовых и продовольственных карточек, если окажется возможным на основании изложенных выше данных, выдать мне продуктовую карточку I категории (рабочую), так как испытываю недомогание и слабость вследствие недостаточного питания.

1942 г. Академик живописи
Февраля 16го г. Бобровский»³²

Отправить это письмо он не успел.

Иван Яковлевич Билибин к празднованию встречи нового 1942 г., проходившему в подвалах Академии художеств, в профессорском общежитии, написал торжественную оду, где были такие строки:

«И мы, что в этом подземелье
Уж много месяцев сидим,
Мы снедью и питьем в веселье
Себе за глад свой воздадим!
Мы голодны! И наши крохи
Малы сейчас, как неки блохи!
Но час пройдет и будет пир!
Мы будем есть неугомонно!
Без перерыва непреклонно!
И пить, и петь, и славить мир!»³³

Ему оставалось жить месяц и восемь дней.

Со всеми, помянутыми в этом печальном списке, у Корнилова были добрые дружеские отношения или близкие творческие контакты. Известие о гибели каждого из них переживал он с чувством скорби и горечи. Но самой страшной потерей, самой невосполнимой утратой для него стала смерть Павла Александровича Шиллинговского. Я уже писал о защите докторской диссертации, проходившей в Академии 29 декабря 1941 г. Возможно, это был последний эмоциональный взлет художника, его нравственный и творческий триумф — событие, которому были отданы последние силы. Дальше началось постепенное угасание. Ему не хватило твердости, веры в будущее, желания жить и стремления выжить, как у Остроумовой-Лебедевой, бывшей десятью годами его старше. Возможно, на его уход повлияло отсутствие рядом близкого преданного человека, какими были для Корнилова мама Вера Петровна и жена Елена Григорьевна. Со своей женой Еленой Иосифовной Павел Александрович прожил более тридцати лет, но их взаимоотношения были достаточно сложными, а периодами — напряженными. Она скончалась 31 января, но еще десять дней гроб с телом находился дома, обостряя состояние безысходности. Ее похоронили только 11 февраля. Корнилов в этот день навестил друга, но идти на кладбище сил уже не было. После этого трагического события художник предпринимает последнюю попытку вытащить себя из состояния душевного и физического краха. Он возвращается к начатой ранее серии ксилографий, получившей потом название «Осажденный город». Через двадцать лет после начала работы над циклом гравюр «Петербург. Руины и возрождение», он снова стал свидетелем трагедии

Города, трагедии намного более чудовищной, пережить которую он уже не мог. Еще в октябре и ноябре 1941 г., пока были силы, Шиллинговский совершал прогулки с блокнотом и карандашом в руках. Укрытия на набережных Невы, артиллерийские установки в Александровском саду зафиксированы им в беглых набросках, одной линией, необыкновенно выразительными в своей скупой документальности. Но совершать такие вылазки становилось все труднее. И он рисовал, пережидая бомбежки в подвале Академии или сидя в мастерской. Рисовал, слушая сводки Информбюро, не видя, но переживая происходящее вокруг. И если на рисунках мастер старался быть предельно конкретным, то его гравюры — наоборот, собирательная фантазмагория кошмара, возникшая в его воображении. Я не возьмусь, пожалуй, идентифицировать ни одного места, изображенного на них. Все это — гибель цивилизации. К концу февраля несколько ксилографий были в основном закончены, но у художника не оказалось краски для печати даже первых пробных оттисков.

Корнилов сообщил об этом Остроумовой-Лебедевой, и Анна Петровна с удовольствием согласилась выручить коллегу и друга. 11 марта Петр Евгеньевич принес краску Шиллинговскому. Он всячески старался взбодрить товарища, навещал его, топил печку, ходил в академическую столовую за супом, где тот состоял на котловом питании, но с каждым днем это становилось все труднее. Мысли о смерти все чаще овладевали художником, а во время одного из посещений он сообщил Корнилову, что во сне разговаривал с Билибиным. 22 марта Павел Александрович подписал завещательное распоряжение на Отдел графики Русского музея. Судя по дневниковым записям, в этот день они виделись в последний раз.

На Корнилова навалились накопившиеся музейные дела, а 30 марта в жизни их семьи произошло событие, потребовавшее взвешенного решения, эмоционального напряжения и подготовительных хлопот. Для мамы — Веры Петровны — появилась возможность выехать в Казань. Я уже писал о чувствах, которые Петр Евгеньевич испытывал к ней; писал о месте, которое мама занимала в его жизни, и в особенности о той роли, которую она возложила на себя в заботах о семье в самую страшную Блокадную зиму 1941–1942 гг. Предстоящее расставание было тяжелым для всех, но все также понимали, что другого такого случая может не представиться, и шаг этот необходим для поддержания маминого здоровья, ее физических и нравственных сил.

Леля оставалась. В тетради есть такая запись:

«29.III.42. Разговариваем, хотим все переговорить, но это трудно. Тревога как-то снова напоминает всем нам пережитое. А слова мамы — “Берегите друг друга” — звучат, как лозунг дня»³⁴. А перевернув страницу, читаем: «30.III.42. Невольно оглядываешься назад — сколько пережито с мамой за эти девять военных месяцев. Какую поддержку и силу имели мы в ней! Какая моральная и волевая натура в 70 лет! Как можно позавидовать ей. Жаль, что Г. С. Верейский не собрался сделать с нее обещанный рисунок. Как это было бы дорого для всех нас»³⁵.

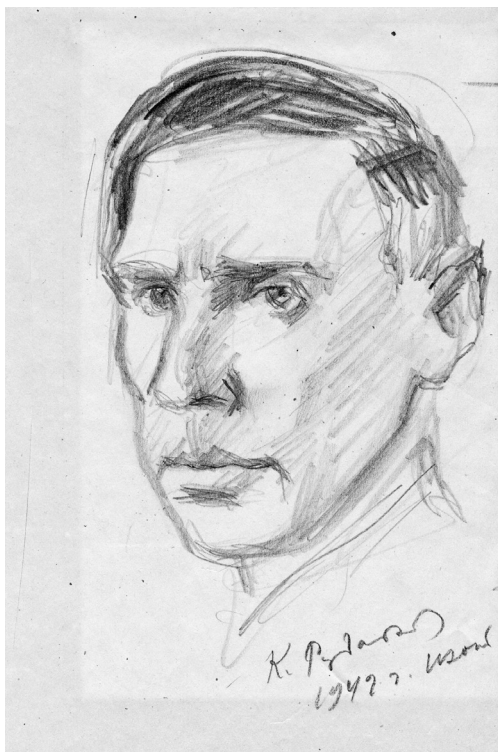
П. А. Шиллинговский Из серии «Осажденный город», 1942 г., ксилография

С. Б. Юдовин «За водой»,
гравюра на линолиуме

С. Б. Юдовин «На уборке снега»,
гравюра на линолиуме

**Портрет П. Е. Корнилова
(К. И. Рудаков, 1942 г.)**

Только 5 апреля Корнилов смог выбраться в Тучков переулок. Долго стоял у дверей. Ему никто не открыл. Спустился вниз, разыскал дворника и узнал печальную новость: Павел Александрович тихо скончался утром в 8 часов. На Петра Евгеньевича легли все обязанности по организации похорон. Они состоялись 12 апреля. В назначенное время на квартире у тела усопшего собрались только три человека — Корнилов, его жена Леля и архитектор Виктор Федорович Твелькмейер (1902–1956), исполнявший в тот период должность директора подразделений Академии художеств, оставшихся в осажденном Ленинграде. Над гробом друга были сказаны последние прощальные слова. Затем закрыли крышку и втроем вынесли гроб на лестницу. К этому моменту, с опозданием на час, подошли трое из числа коллег и учеников Мастера. Грузовик уже ждал. На Смоленском кладбище, на Гдовской линии, могила была подготовлена, но не глубокая — земля сильно промерзла... Так ушел из жизни один из самых дорогих Петру Евге-

ньевичу Корнилову людей, дружба с которым длилась 20 лет.

Я специально уделил так много внимания моментам общения круга очень близких по духу людей в первую Блокадную зиму 1941–1942 гг. Именно через их взгляд на происходящие события, манеру поведения, их физическое и нравственное состояние, мы через десятилетия можем глубже понять, осмыслить и приблизиться к ответу на вопрос: как же все-таки, вопреки всем чудовищным обстоятельствам, смог выжить, выстоять этот город?

Ближе к весне снабжение Ленинграда продовольствием постепенно улучшалось, увеличивались нормы выдачи продуктов, но перебои с поставками еще возникали, поэтому покупка хлеба воспринималась, как событие:

«16.II.42. ...Иду по Невскому, захожу в булочную за своими 1100 гр. хлеба (500 г. — П. К. и по 300 г. — мама и Леля. — А. Х.). Это стоит всего 1–38 к., а сколько радости человеческой в этом кубике хлеба!»³⁶

Эти месяцы для Корнилова были заполнены не только встречами (часто носившими нелегкий характер) с коллегами и друзьями. Он, согласно своей должности заведующего Отделом графики, являлся одним из руководителей музея — объекта обороны, и разделял всю меру ответственности по законам военного времени. Он занимал служебную квартиру при музее, и это обстоятельство помогало сберечь силы, избавляя от ежедневных походов по улицам замерзающего города.

Нельзя забывать, что в Ленинграде работали промышленные предприятия, школы, больницы, детские сады, магазины, научные учреждения, а также структуры городского руководства, жизнеобеспечения и коммунальных служб. Многие рабочие и сотрудники этих организаций находились на казарменном положении, но многим приходилось преодолевать тяжелейший путь на работу и домой, невзирая на голод, холод, бомбежки и артиллерийские обстрелы. Некоторые не доходили.

Необходимо отметить еще один жизненно важный аспект, облегчавший в тот страшный период существование музейных работников — это временами работающий водопровод в подвалах, где сосредоточилась деятельность и быт сотрудников музея. Трубы были проложены на большой глубине, не позволявшей им промерзнуть, но не защищавшей от взрывов, бомб и снарядов:

«28.XI.41. ...Вышел на улицу — страшное зрелище с углом здания Советского отдела. Бомба упала во дворе. Жертва одна — красноармеец, которого отправили в карете скорой помощи. Вторая бомба упала во дворе у главного фасада здания Музея, у самого начала пандуса. Огромная яма скоро заполнилась водой разорванного водопровода. Конец пандуса — гранит отбит и заброшен неизвестно куда. В здании заметна трещина, почва растрескалась, как во время землетрясения»³⁷.

А через несколько дней снова беда:

«5.XII.41. ...В Советском отделе — лопнули трубы, пришлось срочно переносить вещи Н. А. Тырсы, В. В. Лебедева, Н. И. Альтмана. А все потому, что нет и не было в Музее настоящего хозяина»³⁸.

Последняя фраза относится к исполнявшему обязанности директора — Георгию Ефимовичу Лебедеву, с которым у Корнилова как-то не заладились отношения. Лебедев был заместителем П. К. Балтуна по научной части и, наверное, пребывал в состоянии растерянности, когда ежедневно и даже ежечасно приходилось сталкиваться с ситуациями сугубо административно-хозяйственными, возникающими в условиях Войны и Блокады.

Корнилов же обладал опытом строительных, ремонтных и реставрационных работ, приобретенным в Казани и Бухаре. Его раздражало невнимание руководителя музея к решению элементарных (как ему казалось) проблем, о которых он откровенно и, быть может, чрезмерно резко высказывался Лебедеву. Но переживание за общее дело, в конце концов, помогло преодолеть разногласие двух ученых. Они понимали, что только сплоченность и объединенные усилия всех сотрудников музея могут спасти и их самих, и хранимые ими произведения искусства. В тетради № 7 появляется запись:

«28.II.42. ...На 5–10 минут захожу к Г. Е. Лебедеву узнать об его самочувствии. Вчера ему подарил литографию П. И. Львова “Мойка у Эрмитажа”. У меня к нему изменилось отношение. Трудные дни сблизили нас и позволили ближе подойти друг к другу»³⁹.

Доказательством взаимного расположения и высокой оценки профессиональных качеств Корнилова со стороны Лебедева является следующий документ:

«ПРИКАЗ №10-а
по Государственному Русскому музею
от 27 марта 1942 г.

В связи с своей болезнью и пребыванием в стационаре Управления по делам Искусств — своим заместителем по Музею в качестве Директора и Начальника объекта назначаю тов. Корнилова П.Е. с 27/III-с.г. по 15/IV-с.г. включительно.

И. О. директора Г. Лебедев
Управделами Филиппова»⁴⁰.

Но улучшение самочувствия наступило только к концу апреля, и срок пребывания на этом посту был продлен для Петра Евгеньевича до 1 мая, что так же было зафиксировано приказом. Но это произошло уже весной, а до того жуткая, суровая зима диктовала ритм жизни всех жителей города.

«13.I.42. ...Дали свет. Какое это благо: свет, тепло и вода! Этого лишено 4/5 ленинградцев»⁴¹. Но благо кратковременно. «25.I.42. ...У нас нет огня, нет воды (топим снег), нет радио, нет газет, нет почты — как на острове с Робинзоном. К этому следует добавить — в разбитом жилье, несмотря на большую точку t° колеблется от 7°–1°. Естественно, работать трудно и даже невозможно, лучше сохранять тепло в постели под одеялом и шубой»⁴².

ОТМЕТКИ О ЯВКЕ И ВЫПОЛНЕНИИ РАБОТ

Дата	Отметка о явке на работу	Отметка о продолжительности работы	Отметка о выполнении задания	Подпись бригадира
27/III	27/III	22	выполнено	Корн
28/III	28/III	22	выполнено	Корн
29/III	29/III	22	выполнено	Корн
30/III	30/III	22	выполнено	Корн
31/III	31/III	22	выполнено	Корн
1/IV	1/IV	22	выполнено	Корн
2/IV	2/IV	22	выполнено	Корн
3/IV	3/IV	22	выполнено	Корн
4/IV	4/IV	22	выполнено	Корн
5/IV	5/IV	22	выполнено	Корн
6/IV				
7/IV				

Подпись управляющего домохозяйства (при привлечении по месту жительства)
 Подпись руководителя предприятия (при привлечении по месту работы)
 М. П. Представляется по первому требованию органов и должностных лиц, контролирующих явку и выполнение работ.
 По окончании срока мобилизации подлежит обязательной сдаче управляющему домохозяйством (при привлечении по месту жительства) или руководителю предприятия, учреждения, организации (при привлечении по месту работы).

Ведомость о выполнении П.Е.Корниловым работ по уборке города. 1942 г.

Перебои с поставками продовольствия продолжаются. Накануне Леля простояла на морозе в очереди за хлебом 5 часов, с трудом доплелась домой, и Петр Евгеньевич с мамой долго не могли ее отогреть. Хорошо еще, что до этого по представлению Г. Е. Лебедева Исполком Ленгорсовета утвердил список из 9 человек (сотрудников музея) на получение продовольственных карточек I категории. В их числе был и Корнилов. Его главными домашними обязанностями было обеспечение семьи водой и дровами. Воду, несмотря на частые перебои в работе водопровода, удавалось запасать в бомбоубежище музея, размещавшемся

в подвале. Только один раз в заметках упоминается поход с ведрами на канал Грибоедова. А это было все-таки совсем рядом. Дрова же доставались по случаю в разных местах и на разных условиях, но и собирание щепы и сучьев после разрыва бомб в Михайловском саду тоже было подспорьем в хозяйстве. Кроме того, постоянно возникало большое количество бытовых проблем, становившихся частью борьбы за выживание. Дрова надо было пилить и колоть, в окнах конопатить щели и забивать фанерой места выбитых стекол, бороться с протечками на потолке, выносить ведра и топить печку, около которой пили чай в зимних пальто и шапках. Но это — дом, семья. А была еще и служба.

Говорить здесь о каком-то режиме, распорядке действий, временном регламенте — бесполезно. Каждый день приносил новые заботы, требовавшие немедленного внимания и разрешения, если такое было возможно. Регулярными становились, пожалуй, только обходы и осмотры музейных помещений с фиксацией и протоколированием повреждений и разрушений. Последнее касалось, в основном, экспозиционных залов. Но существовали еще служебные отделы, склады бумаги и столярных материалов, где было зафиксировано хищение столярного клея. Его многие ленинградцы употребляли в пищу, приготовляя суп и желе. Такие блюда часто упоминаются в записях Петра Евгеньевича как почти ежедневный рацион семьи.

И здесь сотрудники Русского музея оказались в несколько более привилегированном положении. Необходимым компонентом в реставрации произведений живописи всегда был осетровый клей. Он был более пригодным для еды, нежели столярный, и руководство музея приняло решение о раздаче его запасов из реставрационных мастерских, чтобы как-то поддержать своих служащих. Про клеевой студень Петр Евгеньевич записал:

«14.II.42. ...Говорят, что употребление горчицы и перца в наших условиях питания — вредно. Но без всего этого, уж очень невкусное блюдо»⁴³.

В обязанности ученого входили и суточные дежурства по музею согласно общему графику. Они также включали в себя обход помещений с составлением подробных отчетов по их состоянию.

«4.III.42. ...Иду в обход Главного здания и Отдела Советского ис-ва. Поднимаюсь наверх. В Др. рус. иск. (отделе древне-русского искусства. — А. Х.) снег на полу, напал на окно. Белоколонный зал к счастью в порядке. Бочки промерзли и лопнули! Поэтому кругом собираю обломки дерева для печурки. В узкой части от сотрясения появилась щель и осыпалась фигурная роспись — фреска (взял фрагмент для образца). Еще кое-где заметны выпадения росписей, но в малом размере, а упомянутая требует полной реставрации. Внизу лучше, но темно. В отделах Музея, как в могильных склепах. Тяжело смотреть. Неужели не доживем до восстановления?»⁴⁴

В блокадной тетради №-VII упоминается дата, к которой Корнилов всегда относился с уважительным вниманием. Он написал о ней в конце прошедших за день событий:

«1.III.42. ...Сегодня, вспоминаю, исполняется 21 год моей музейно-научной деятельности. В сравнении с днем 20-летия — насколько все переменялось! Пройден 21 деловой без отдыха год! Правда — результаты могли бы быть еще большими, но это уже не в моих силах»⁴⁵.

Он не забыл, что девять из двенадцати месяцев этого года прошли в тяжелейших условиях Войны, Блокады, борьбы за выживание. Но ученый по-прежнему предъявляет к себе самые высокие требования, невзирая на страшные обстоятельства. Научной работы он не оставлял никогда. Исключением, наверное, являлся период службы в военном комиссариате. Его интересы только меняли свои направления. Что-то откладывалось до лучших времен, что-то неожиданно начиналось под влиянием текущих событий. Узнав о смерти своего старшего друга и учителя — высокочтимого Бориса Петровича Денике (1885–1941), только 25 декабря, уже на следующий день он записывает:

«26.XII.41. ...Подобрал в своей папке ряд фотографий, где снят Б. П. Денике. Хочу приняться за воспоминания о нем, ибо с ним так много хорошего связано, что легко восстановить и события, правда не ручаюсь за хронологию»⁴⁶.

Он не позволял себе расслабиться ни морально, ни физически, не останавливал мыслительного процесса. А встретив как-то Адриана Владимировича Каплуна⁴⁷ в состоянии подавленности, не удержался и выругал его «за опускание, за пониженное настроение». Но судя по трогательным надписям, которые художник оставил впоследствии на подаренных Корнилову рисунках, гравюрах и литографиях, он на него обиды не держал.

Особая ответственность лежала на Корнилове за сохранение и прием в Русский музей творческого наследия Павла Александровича Шиллинговского. Вот что пишет об этом заведующая научной библиотекой В. В. Алексеева: «Квартира художника состояла из мастерской с огромным стеклянным колпаком, хорошо сохранившимся (как было пережить зиму в такой квартире?!), крохотной комнаты и темной кухоньки. Работа по составлению описей была кропотливой и трудоемкой, много раз она прерывалась тревогами. Вначале по тревоге мы выходили на лестницу, но спускаться вниз, а потом подниматься обратно на шестой этаж было слишком трудно. Решили просто выходить на кухню, там хоть не было окна и не могли сыпаться стекла. Казалось, что самолеты вот-вот заденут за крышу — так оглушительно гремели они, проносясь над головой. Проработали мы в квартире-мастерской Павла Александровича, помнится, месяца два»⁴⁸.

Кроме того, Петр Евгеньевич составил перечень мероприятий по увековечению памяти Шиллинговского, и уже 9 апреля, то есть за три дня до похорон, передал его на рассмотрение в Управление по делам искусств. Забегая вперед, скажу, что ему удалось невероятное: Ленсовет специальным решением закрепил мастерскую художника за Русским музеем как своеобразный мемориальный филиал, где в течение трех лет проводились собрания, посвященные его памяти. К сожалению, сохранить мастерскую в этом статусе не получилось. Зато многие произведения мастера, его художественные принадлежности и некоторые предметы мебели по сей день бережно хранятся в Отделах гравюры и рисунка Государственного Русского музея.

А старшему товарищу, коллеге и университетскому учителю Петра Евгеньевича Владиславу Крескентьевичу Лукомскому (1882–1946) пришлось пережить потерю всего. Пока он находился на лечении в стационаре, из-за неосторожности соседа-старика, у него сгорела квартира, в ней погибло все его ценнейшее собрание: геральдические коллекции, библиотека, архив, картины, имущество. Он остался только в том, в чем ушел в больницу.

Неделей ранее Корнилов получил письмо от М. Ф. Петровой-Водкиной, в котором она ставила его в известность о своем решении передать на хранение в Русский музей произведения Кузьмы Сергеевича перед отъездом в эвакуацию и просила его помощи в организации доставки. В дневниках есть фраза:

«12.II.42. ...За перевозку картин К. С. Петрова-Водкина с Кировского пр. до Рус. музея просят 1,5 кило хлеба»⁴⁹.

Почти до самой своей кончины Петр Евгеньевич вел обширнейшую переписку с самыми разными людьми. Его внучка Наташа рассказывает, что, собираясь утром в школу, заставала дедушку за рабочим столом уже с семи часов. С писем он обычно начинал свой день. Война не смогла нарушить эту традицию, привычку, выработанную еще с начала 1920-х гг.

Главным адресом в блокадный период для него была Казань, куда еще 4 июля был отправлен сын Игорь, которому тогда не исполнилось еще пятнадцати лет. Все заботы о нем легли на плечи сестры Петра Евгеньевича — Надежды Евгеньевны Яковлевой (1892–1987) и ее мужа. Писем ждали с нетерпением и, хотя они приходили с большим опозданием, в них подробно описывалась учеба, быт, питание, свободное время Игоря и его участие в хозяйственных делах семьи. Часто послания сына и сестры дублировали друг друга по содержанию, но все прочитывалось с вниманием, благодарностью и искренним родительским трепетом. Ответ-

**Трамвайный билет
21 апреля 1942 г.**

ные письма из Ленинграда часто содержат сжатую информацию о здоровье, погоде и работе, но многие несут в себе беспокойство, отцовские наставления и житейские рекомендации:

«26 окт. 43 ...Ты стоишь на пороге жизни. Это самый важный момент в твоей жизни. От твоих первых шагов в ней — во многом зависит и будущий путь. Помни — ты комсомолец. Твой путь должен быть прям и честен, прежде всего. Жизнь это не сказка и не сон, а реальная жестокая действительность! Каждому из нас надо найти в жизни свое место. К этому надо идти путем труда, знаний, энергии и воли»⁵⁰.

Неназойливо и деликатно старался Петр Евгеньевич привить сыну любовь к искусству:

«11/III.42. Дорогой мальчик — буду в каждое письмо вкладывать открытки для твоей коллекции. Просматривая их, будешь привыкать к искусству и запоминать художников и их произведения. Пиши, что больше понравится из них. Твой папа»⁵¹.

Важное место в корреспонденции ученого занимало его письменное общение с такими классиками российского изобразительного искусства, как Евгений Евгеньевич Лансере (1875–1946), Константин Федорович Юон (1875–1958) и Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942). С последним переписка носила наиболее тесный характер. Они делились новостями, подбадривали друг друга. Еще 13 июля 1941 г. Нестеров сетовал: «...Жалею, что мои годы не дают мне принять участие в более активной деятельности...»⁵² А 5 февраля 1942 г. он с радостью сообщал: «...Книга моя “Давние дни” вышла. Евгений Евгеньевич (Лансере. — А. Х.) сделала чудесное для нее оформление, спасибо ему. Будет возможность, пришлю книгу Вам»⁵³. Выслать Михаил Васильевич так и не успел, но экземпляр подписал, и когда Корнилов возвращался через Москву из Казани в осажденный Ленинград в марте 1943 г., вдова художника передала ему книги еще для А. П. Остроумовой-Лебедевой и для С. Л. Рыловой. Экземпляр этот бережно хранится в семье ученого и туда вложена вырезка из газеты «Ленинградская правда» от 3 июня 1942 г., где напечатан указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении художника Нестерова Михаила Васильевича орденом Трудового Красного знамени. Его не стало 18 октября 1942 г.

Казалось, что лютый мороз, голод, бытовые и хозяйственные проблемы, служебные обязанности, научные интересы, посещения друзей и коллег настолько жестко регламентировали ежедневный распорядок жизни Корнилова, что исключали любое проявление каких-либо созерцательно-лирических нот в его сознании. Но это было не так. Несмотря на то, что жуткая, трагическая реальность практически не давала возможности воспринимать иначе все происходящее вокруг, в его блокадных тетрадях есть строки, фиксирующие вдохновенное любованье состоянием природы, временем суток, архитектурными деталями:

«26.XII.41. ...До чего красив сегодня день. Мороз сильный. Все деревья в инее, решетка музея тоже. Дневной свет зимнего дня спорит с белизной снега и инея. Резкие, несколько графические формы, так близко схваченные в некоторых своих частях А. П. Остроумовой-Лебедевой. Вышел из музея в 5 ч. — мороз усилился и в воздухе появилась розовая краска, и все утонуло в светло-серых, устлеровских тонах. Та же панорама, тот же вид из-под колоннады Г. Р. М. (Государственного Русского музея. — А. Х.) приобрел явно живописную форму, пожалуй, даже никем из художников Петербурга-Ленинграда не уловленную... Прелесть! Город действительно великолепный».

И на следующий день:

«27.XII.41. ...Мороз сильный. 15° R. Город и нынче красив, но только жестче, чем вчера. Иней и снег украсили город — как елочное украшение»⁵⁴.

Но иногда в лирику вмешиваются серьезные рассуждения о чувстве долга, об ответственности и сознании того, что десятилетие напряженной работы в этом городе навсегда сроднило ученого с Ленинградом:

«24.II.42. ...Вечером иду в музей — обратил внимание на чудесный воздушный пейзаж, открывшийся передо мной за решеткой Музея. Как все это изумительно! Город Ленина — изумительный город. Теперь начинаешь любить и ценить его, понимать его внутреннюю и внешнюю красоту. Как бы хотелось все запомнить, запечатлеть. Рад в душе, что живешь в нем. Нет, оказывается десять лет — это уже срок в жизни нашей, человеческой. Будем мечтать, верить, надеяться — это даст силы перенести тяжелое и вернуться к лучшему»⁵⁵.

Написано в конце февраля, то есть в преддверии весны 1942 г.

Именно в этот период над городом, над его жителями нависла не менее страшная угроза, чем артиллерийские обстрелы, бомбежки, голод и холод. Это была угроза эпидемий. Снежные сугробы, наледи, целые ледяные торосы на улицах и во дворах под лучами мартовского солнца начали оттаивать, обнажая трупы людей, погибших за зиму, которые не успели убрать. Водопроводные и канализационные трубы промерзли, поэтому помои и нечистоты выплескивались во дворы или прямо на лестницы, а иногда оставались в замороженных квартирах. Все это грозило весной превратить прекрасный, хотя и израненный город, в страшную, зловонную, зараженную территорию. Поэтому 25 марта 1942 г. Исполнительный комитет Ленгорсовета депутатов трудящихся на основании пункта «а» статьи 2-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», принимает решение о мобилизации населения в порядке трудовой повинности на работы по

очистке дворов, улиц, площадей и набережных города Ленинграда в период с 27 марта по 8 апреля 1942 г.

Впоследствии срок исполнения этого решения был продлен до 15 апреля. Продолжительность рабочего дня для рабочих и служащих действующих предприятий, а также учреждений, составляла два часа в сутки до или после работы. Для домашних хозяек и учащихся — 6 часов.

Я перечислил только категории граждан, к которым принадлежали Петр Евгеньевич Корнилов и его жена Елена Григорьевна. Получив повестку 27 марта, он был уже на работах и, как свидетельствуют отметки о выполнении заданий, ежедневно по 4 апреля включительно отработывал свои положенные два часа, а 5 апреля — восемь часов. Это был тяжелый, изнурительный труд обессиленных, переживших страшную зиму людей. Но иного выхода не было.

Поэтесса Вера Инбер, приехавшая в Ленинград 24 августа 1941 г., тоже вела дневниковые записи. Ее муж перед самой войной был назначен директором Первого медицинского института, и трагедия, грозившая Ленинграду, была ей понятна больше, чем многим.

«29 марта 1942 года

Воскресенье

...Сейчас, в эти дни решается весенняя участь города: быть эпидемиям или не быть? Вспыхнет какая-нибудь инфекция или нет? Дух замирает при мысли, что на Ленинград могут обрушиться тиф и дизентерии. У кого хватит сил перенести все это? И кто будет ухаживать за больными? Весь город, все, кто только в силах держать лопату или лом, чистят улицы. А это все равно, что привести в порядок загрязненный Северный полюс: глыбы льда, торосы мусора, сталактиты нечистот...»⁵⁶

Но справиться с проблемой только людскими ресурсами было невозможно. Для вывоза грязного снега руководство города мобилизовало почти всю имеющуюся в его распоряжении технику. Корнилов записывает:

«4.IV.42. ...Отправляюсь к А. П. Остроумовой-Лебедевой, иду по Литейному. На нем невообразимая суматоха — машины снег сваливают в Неву. Десятки машин, сотни трудюшечков, еле проходишь!»⁵⁷

А теперь снова Вера Инбер:

«15 апреля 1942 года

...На закате гуляли по Гренадерскому мосту. Он уже чист. Груды мусора, сброшенные вниз, лежат на льду Невки. Как только она вскрыется, вода унесет мусор в море»⁵⁸.

И опять Корнилов:

«17.IV.42. ...Весь канал Грибоедова завален нечистотами. Разве можно унести всю эту уйму мусора водой канала?»⁵⁹

Нева, Мойка, Фонтанка... Им тоже пришлось спасать город. Ленинград оживал. Пусть нерегулярно, но начинал ходить общественный транспорт:

«20.IV.42. ...Выходим в 7-м часу, вижу трамвай № 12, сажусь. Как-то странно ехать в трамвае. Так непривычно, так ново, но полезно, скоро уже у Казанского»⁶⁰.

Весной, чтобы помочь решению продовольственной проблемы, был поставлен вопрос об организации подсобных хозяйств и индивидуального огородничества в Ленинграде и прилегающих пригородах. В газетах появились материалы под заголовками: «Побольшевицки организовать подсобное хозяйство», «Каждый метр земли — под овощи», «Больше внимания индивидуальному огородничеству!», «Каждый ленинградец должен иметь личный огород», «Каждая семья может обеспечить себя овощами»⁶¹.

Напоминаю, что с конца марта Корнилов является исполняющим обязанности директора музея, и именно ему пришлось проводить собрание по организации огородных участков в саду главного фасада. Была дана заявка на освоение 3000 кв. метров земли. Кроме того, на него навалилось огромное количество организационных, административных и хозяйственных проблем, требовавших незамедлительного разрешения.

«13.IV.42. ...Принесли телеграмму из РК (районного комитета. — А. Х.) ВКПб — о займе. Пришлось идти проводить митинг среди охраны и проводить подписку».

«14.IV.42. ...Никто как следует не работает, надо всех подогреть, а дел всяких уйма: трудповинность, проведение займа, текущая работа, уборка двора, крыши и т. д. и т. д. Надо много приложить сил, чтобы восстановить дисциплину и порядок в Музее. Но это дело директора, а не временного заместителя, каковым являюсь я. Надо построить работу так, чтобы больше уделять сил научной работе — это основное, а всякие орг. работы отнимают много времени, а результатов мало»⁶². Когда в дневник ложились эти строки, ученый уже вел переговоры в издательстве «Искусство», где ему предложили занять должность выпускающего редактора агитационно-художественной полиграфической продукции.

Истоки его интереса к редакционно-издательской деятельности уходят в начало двадцатых годов, в Государственное издательство, где Корнилов делал свои первые шаги на этом поприще под руководством Эриха Федоровича Голлербаха. Потом была работа в «Казанском

музейном вестнике» и выпуск каталогов и афиш к выставкам в художественном отделе Казанского центрального музея. Когда он возглавил Кабинет графики в Академии художеств, то с удовольствием организовывал выпуск малотиражной, авторской продукции в техниках офорта, гравюры и литографии. Именно последняя и была основополагающей в производстве больших цветных плакатов, когда Петр Евгеньевич 24 апреля 1942 г. приступил к работе в издательстве. В тот день он записал:

«24.IV.42. ...Пока еще едва нащупываю свою почву под ногами. Работа интересная и заманчивая, но чувствую, что инициатива будет всегда связана согласованием с организациями»⁶³.

И здесь он не ошибался. Контроль за тиражной продукцией в Советском Союзе был всегда, но в условиях военного времени он возрос многократно. Вести с фронтов в жестких формулировках Совинформбюро, прославление подвигов красноармейцев, регламентированное изображение трагических эпизодов, призывы к мести, правильное использование цитат Сталина — все отслеживалось Отделом пропаганды Обкома и Горкома ВКПб и военной цензурой. С первых дней работы Корнилову пришлось столкнуться с вмешательством этих структур в издательские процессы. Техника литографии относится к виду плоской печати (существуют еще высокая и глубокая) авторского эстампа, когда краска вручную накачивается на отшлифованный камень — известняк. Каждый цвет печатается с отдельного камня. Изображение на камне можно править путем соскабливания или добавления рисунка. В литографской мастерской, разместившейся на базе типографии «Агроплакат», над камнями работали опытные художники, но в основном живописцы — В. А. Серов (1910–1968), И. А. Серебряный (1907–1979), А. А. Казанцев (1908–1984), Н. И. Дормидонтов (1897–1962) и другие. Из графиков — А. Ф. Пахомов (1900–1973).

Как уже говорилось, Корнилов постарался значительно расширить круг авторов. О дерганом ритме работы художников, редакторов и мастеров над печатной формой свидетельствует следующая запись:

«29.IV.42. (Среда) ...В 10 ч. иду в литографию. Там узнаю, что два плаката из 3-х — Горком не утвердил и срочно указал исправления. Большой плакат с т. Сталиным — придется внизу прогнать контурный камень с черной краской, а верх — знамя прогнать через красный камень и тем усилить цвет знамени. Спешно Серов делает контурный перевод, а т. Соколов на камне делает рисунок знамени»⁶⁴.

Основным местом работы для Петра Евгеньевича все-таки оставался музей, хотя если он за что-то брался, то не делил на главное и второстепенное. А в блокадном Ленинграде

главным было все. В музее от исполнения обязанностей директора он будет освобожден только 1 мая. За два дня до этого он заполняет страницу тетради, перечисляя то, что удалось сделать:

«28.IV.42. ...Встал в 7 ч. у. вышел из дому в 9. В музее текущие дела. В 10 ч. иду в Агро-плакат. Печатаем 3-ю краску плаката с женщиной (раб. худ. Рутковского) и 2-ю краску плаката с танками (раб. худ. Дормидонтова).

Говорил с М. Н. Анисимовым (директор издательства. — А. Х.) относительно выставки плакатов к 5/V. Вернулся к 12 домой. Успел дойти, как объявили тревогу.

После тревоги был снова в канцелярии. Написал письмо Загурскому. Пошел в столовую, по пути заходил в Общество Камерной музыки. Пришел в столовую. Там был К. И. Рудаков.

Только к 3-м часам закончил свой скромный обед (К. И. оставил кусок хлеба). Из столовой прошел в Литографию. Там допечатывали камень с женщиной и с танками. В последнем обнаружил ошибку в начертании художника, но исправлять не решился. Оттуда пошел домой. Лели не было — она была в магазине за крупой (получила 1600 гр. пшени!). Вернулась, выпили чая, и я пошел на осмотр музейных зданий. Обошел главное здание от подвала и до чердаков. Сохранность довольно хорошая, если не считать выбитых стекол и нескольких протечек. Но ощущение — точно ходишь по заброшенному кладбищу!»⁶⁵

Я заканчиваю эту главу упоминанием о праздничной дате. Накануне 1 мая вечером Петр Евгеньевич с Лелей пили чай, говорили о наступающем дне, мечтали о праздничном обеде, вспоминали, как это было раньше. На следующий день в 8 часов утра Корнилов был уже в Русском музее, где принял доклад сотрудника о ночном дежурстве, а затем сдал дела вышедшему на работу после болезни Г. Е. Лебедеву. В 10 часов он уже был в издательстве. Там состоялся маленький митинг. Говорилось о трудовой доблести, о новом отношении к работе, о помощи фронту.

А праздничный обед в столовой Управления по делам Искусств все-таки был: «...щи с кислой капустой, жар. курица с картофелем, сладкий пирог и чай»⁶⁶.

---

¹ Пахомов Алексей Федорович (1900–1973) — живописец, график, книжный иллюстратор. Действительный член Академии Художеств СССР. Народный художник СССР. Профессор.

² Гланц Д. Блокада Ленинграда 1941–1944. М., 2010.

³ Харшак А. А. Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981). Творческий путь. Восхождение // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 212–247.

⁴ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.

⁵ Там же.

-
- ⁶ Там же.
- ⁷ Архив П. Е. Корнилова.
- ⁸ *Алексеева В. В.* Работа продолжалась. Подвиг века. Л., 1969.
- ⁹ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.
- ¹⁰ *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. Л., 1984.
- ¹¹ *Лебедев Г. Е.* Из дневника. Художники города-фронта. Л., 1973.
- ¹² *Алексеева В. В.* Работа продолжалась. Л., 1969.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Лапшин Николай Федорович (1891–1942) — живописец, график, акварелист, книжный иллюстратор. Учился в школе Общества Поощрения Художеств (1912–1916) и в частных студиях у И. Я. Билибина и А. А. Рылова. Член «Общества художников-индивидуалистов» и «4 искусства». Преподавал на Архитектурном факультете Академии художеств.
- ¹⁵ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Преснов Григорий Макарович (1890–1973) — историк русской скульптуры. Основатель отдела скульптуры Русского музея. Возглавлял отдел с 1922 г.
- ²¹ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Лебедев Сергей Васильевич (1874–1934) — ученый-химик. Основатель промышленного способа получения синтетического каучука. Академик, профессор Военно-медицинской Академии. Муж А. П. Остроумовой-Лебедевой.
- ²⁸ Архив П. Е. Корнилова.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. Т. III. М., 1974.
- ³¹ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.
- ³² Там же.
- ³³ *Бродский И. А.* В дни Блокады. Иван Яковлевич Билибин: Статьи, письма, воспоминания о художнике. Л., 1970.
- ³⁴ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Каплун Адриан Владимирович (1887–1984) — график, живописец. Работал в Мюнхене в 1913–1914 гг. Член обществ «Мир искусства», «4 искусства». Обращался к разным графическим техникам: рисунку, акварели, гравюре, литографии, монотипии.

⁴⁸ *Алексеева В. В.* Работа продолжалась. Подвиг века.

⁴⁹ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² *Корнилов П. Е.* Драгоценный автограф на книге. 1975. (Не опубликовано).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Инбер В.* Ленинградский дневник. Девятьсот дней. Л., 1948.

⁵⁷ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.

⁵⁸ *Инбер В.* Ленинградский дневник. Девятьсот дней.

⁵⁹ Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Ленинградская правда. 1942. Апрель, май.

⁶² Архив П. Е. Корнилова. Из Блокадных тетрадей 1941–1942.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

УДК 069,94(47).084.8

Харшак А. А. Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981). Творческий путь. Испытание // Новейшая история России. 2015. № 2 (13). С. 152–191.

АННОТАЦИЯ: Годы Великой Отечественной войны и 900-дневной Блокады стали для Ленинграда и для каждого его жителя периодом страшных, тяжелейших испытаний, потребовавших неимоверного напряжения сил, которых, казалось, уже не могло быть, но они были. Петр Евгеньевич Корнилов, чье жизнеописание продолжается на этих страницах (начало см. в: Новейшая история России. 2012. № 2 (04); 2013. № 1 (06), 2014; № 1 (09)), провел все эти годы в осажденном городе, позволив себе лишь короткую командировку в Казань после прорыва Блокады в 1943 г. В его архиве сохранились записи, уместившиеся в девяти тетрадях, озаглавленных как «Заметки», а не «Дневники», хотя в них зафиксировано ежедневное, а иногда почасовое изложение впечатлений

от происходивших событий, участником которых был сам автор. Почерк не очень разборчив, но если привыкнуть и вчитаться, то оторваться от этих страниц невозможно. Однако с разрешения Наташи Корниловой — внучки Петра Евгеньевича, автор статьи решил цитировать только строки, имеющие отношение к нашему повествованию, а некоторые факты излагать своими словами. О личном вкладе ученого, о вкладе его друзей и коллег в дело приближения торжества Победы, об их взаимоотношениях в условиях жизни Блокадного города — этот материал.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, Блокада Ленинграда, Государственный Русский музей, мобилизация, эвакуация, голод, продовольственные карточки, А. А. Жданов, А. П. Остроумова-Лебедева, П. А. Шиллинговский, бомбоубежище, Управление по делам Искусств, Издательство «Искусство».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: заслуженный художник Российской Федерации, почетный член Российской Академии художеств (Санкт-Петербург, Россия); kharshak@yandex.ru

---

Kharshak A. A. Pyotr Yevgenyevich Kornilov (1896–1981). Creative Career. Probation

ABSTRACT: The years of the World War II and 900-day blockade became for Leningrad and each of its residents a period of terrible and severe test that required an incredible tension of forces, which seemed to be over already, but they were still there. Pyotr Yevgenyevich Kornilov, whose life description continues on these pages (see the beginning № 2 (04) 2012, № 1 (06) 2013 and № 1 (09) 2014 of the magazine “Contemporary History of Russia”), spent all those years in the besieged city, affording only a short trip to Kazan after breaking of the blockade in 1943. His archive contains records fit into nine notebooks entitled as “Notes” but not “Diaries”, though narration of impressions about the events occurred, a participant of which the author himself was, were recorded daily, and sometimes even hourly. The handwriting is not very readable, but if you get used to it and get a grasp, to put down these pages is impossible. Nevertheless, with the permission of Natasha Kornilova, a granddaughter of Pyotr Yevgenyevich, I have decided to quote only the lines relating to our narration, and present some facts in my own words. This material is about the personal contribution of the scientist, his friends’ and colleagues’ contribution to the approaching of the triumph of the Victory, about their relationship in the living conditions of the blockaded city.

KEYWORDS: Great Patriotic War, blockade of Leningrad, State Russian Museum, shell attack, bombing, mobilization, evacuation, bread, hunger, food cards, A. A. Zhdanov, A. P. Ostroumova-Lebedeva, P. A. Shillingovsky, bomb shelter, frost, the Department of Arts, death, letters, gardens, “Iskusstvo” publishing house.

AUTHOR: Honoured Artist of Russian Federation, Honorary Member of the Russian Academy of Arts (St. Petersburg, Russia); kharshak@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ Glanz D. *Blokada Leningrada 1941–1944* (Moscow, 2010).
- ² Kharshak A. A. ‘Petr Evgen’evich Kornilov (1896–1981). Tvorcheskij put’. *Voskhodzenie* in *Novejshaya istoriya Rossii*, 2014, no. 1 (09).
- ³ Alekseeva V. V. *Rabota prodolzhalas’. Podvig veka* (Leningrad, 1969).
- ⁴ Adamovich A., Granin D. *Blokadnaya kniga* (Leningrad, 1984).
- ⁵ Lebedev G. E. *Iz dnevnika. Xudozhniki goroda-fronta* (Leningrad, 1973).
- ⁶ Ostroumova-Lebedeva A. P. *Avtobiograficheskie zapiski*, Vol. III (Moscow, 1974).
- ⁷ Brodskiy I. A. *V dni Blokady. Ivan Yakovlevich Bilbin: Stat’i, pis’ma, vospominaniya o xudozhnike* (Leningrad, 1970).
- ⁸ Inber V. *Leningradskij dnevnik. Devyat’sot dnej* (Leningrad, 1948).